

References

1. Barsukov N. P. Istochniki russkoj agiografii. SPb., 1882. Stb. 1–602.
2. Bogatyryov P.G. Sny v pereskaze krest'jan i v narodnoj skazke // Bogatyrev P.G. Funkcional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora (Maloizvestnye i neopublikovannye raboty). M., 2006, pp. 101–102.
3. Golubinskij E. E. Istorija kanonizacii svjatyh v Russkoj Cerkvi. 2nd ed. M., 1903. 535 p.
4. Ivashnjova L. L. Agiograficheskie narodnye legendy Nizhnej Volgi: otrok shimonah Bogolep // Russkaja literatura: Istoriko-literaturnyj zhurnal, 2014, № 3, pp. 84–105.
5. Ieromonah Iosif (Mar'jan). Svjatitel' Feodosij, arhiepiskop Astrahanskij i Terskij // Svjatye zemli Astrahanskij. Astrakhan, Jelista, 2001, pp. 45–76.
6. Iosif ubiennyj, mitropolit astrahanskij: kratkoe skazanie o ego zhizni, muchenicheskoj konchine i chudesnyh znamenijah po molitvam u ego mogily prot. I. Savvinskogo. 2nd ed. Astrakhan, 1912, pp. 21–48.
7. Lebedinskij Ja. V. Otroka shimonah Bogolep Chernojarskij // Astrahanskije eparhial'nye vedomosti, 1877, № 4, pp. 5–6.
8. Muhina E.A. Vremja i prostranstvo pravoslavnogo cheloveka v jepicheskom duhovnom stihe // Rossija i slavjanskij mir: istorija, jazyk, kul'tura. M.: Tri kvadrata, 2008. – S. 256-263.
9. Prokof'ev N. I. Videnie kak zhanr v drevnej russkoj literature // Uchenye zapiski Mosk. gos. ped. in-ta im. V.I. Lenina. M.: MGPI, 1964, № 231, pp. 35–56.
10. Ryzhova E. A. Zhanr videnij v severnorusskoj agiografii // Russkaja agiografija: Issledovanija. Publikacii. Polemika / ed. S. A. Semjachko. SPb., Dmitrij Bulanin, 2005, pp. 160–194.
11. Sbornik drevnostej Kazanskoj eparhii i drugih prisnopamjatnyh obstojatel'stv, staraniem i trudami Spasokazanskogo Preobrazhenskogo monastyrja arhimandrita Platona sostavlennyj, 1782 goda. Kazan, 1868, p. 196.

**ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
О ГРОЗЯЩЕЙ ОПАСНОСТИ ТОТАЛИТАРИЗМА**

Онищенко Екатерина Васильевна, кандидат философских наук, Астраханский государственный университет, Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: ekaterina.onishchenko@bk.ru.

В статье исследуется взгляд Ф.М. Достоевского на политические проблемы. Рассматривается такое явление, как бесовщина, её истоки, сущность и опасность для человечества. Также изучается проблема отношения мыслителя к социализму.

Ключевые слова: бесовщина, нечаевщина, социальное зло, шигалёвщина, тоталитаризм, социализм, перевёрнутое общество, социальная стадность, «земной рай» Шигалёва, социально-психологический портрет власти

CAUTION F.M. DOSTOEVSKY ON THE DANGERS OF TOTALITARIANISM

Onishchenko Ekaterina V., Candidate of Philosophical Sciences, Astrakhan State University, Russia, 414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: ekaterina.onishchenko@bk.ru.

The article explores the opinion of F.M. Dostoevsky's political problems. Examines the phenomenon of the devil, its origins, essence and danger to mankind. Also we study the problem of the relationship of the thinker to socialism.

Keywords: satanic, nechemia, social evil, chigalevskiy, totalitarianism, socialism, upside-down society, social herding, «heaven on earth» Sigaleva, social-psychological portrait of power

Ф.М. Достоевский – один из первых мыслителей, предостерегших человечество от опасности тоталитаризма. Изучая отношение Достоевского к социализму, необходимо рассмотреть такое явление, как бесовщина, её истоки, сущность, опасность для человечества.

Новые преобразователи жизни обозначаются Достоевским вполне определённо – «бесы», а вся их деятельность рассматривается им как бесовщина. Некие таинственные «трихины», о которых он писал в «Преступлении и наказании», – микроскопические существа, носители социального сумасшествия, получили продолжение своего существования в виде «бесов». «Бесы» стали реальностью, частью российской действительности. Достоевский осознаёт всю серьёзность и опасность такого явления, как бесовщина. Её истоки обнаруживаются в политической жизни России предшествующих лет. Главный деятель бесовского движения Пётр Верховенский – сын либерала Степана Трофимовича Верховенского. В политику, таким образом, вступает новое поколение: отцы-либералы сменяются своими гораздо более радикальными «детьми». И те, и другие воплощают собой общественные течения, а не отдельные факты. Новое бесовское течение достаточно серьёзно, поскольку оно захватывает людей очень разных: талантливых и примитивных, честных и проходимцев, злодеев и добрых. Ставрогин, Шатов, Кириллов, Петр Верховенский, Шигалёв, Лямшин – все объединены одной деятельностью, называют друг друга «наши», обозначены словом «кружок».

«Бесы» – роман о дьявольском замысле перековать мир, о соблазне революции. Бесы, воплощённые Достоевским в персонажей романа, – это политические авантюристы, стремящиеся к власти для того, чтобы разрушить существующую систему власти и установить своё царство, обновлённое, с другими целями и задачами. В черновых планах «О том, чего хотел Нечаев» вопрос о новом режиме власти и сроках обсуждается ещё более определённо: «Год такого порядка или ближе – и все элементы к огромному русскому бунту готовы. Три губернии вспыхнут разом. Все начнут истреблять друг друга, предания не уцелеют. Капиталы и состояния лопнут, и потом, с обезумевшим после года населением, разом ввести социальную республику, коммунизм и социализм... Если же не согласятся – опять резать их будут, и тем лучше» [1, с. 450]. Таким образом, главный принцип Нечаева – возбудить бунт, который повлечёт за собой кровь, разрушение, смуту и беспорядок. В этом и состояло его новое слово. Последствия такого анархизма не интересовали идеолога «Мне нет дела, что потом выйдет: главное, чтоб существующее было потрясено, расшатано и лопнуло» [1, с. 450]. Куда важнее результат – разрушить, уничтожить существующий порядок вещей.

Революционные святыни, оборачивающиеся «правом на бесчестье», по мысли Достоевского, очевидны из идейных деклараций «Катехизиса» С. Нечаева: «Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нём единою холодною страстью революционного дела» [5, с. 182]. Именно эта мысль внедряется в народное сознание. Нигилист Кармазинов мечтает: «В сущности наше учение есть отрицание чести... откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно» [5, с. 182]. Обоснование отрицания морали, её норм становится главной политической задачей. Достижение цели любыми средствами провозглашается как новое революционное слово, как стратегия и тактика смуты.

Таким образом, учение Нечаева отвергает нравственность, все средства хороши для достижения цели. Более того, люди, вовлекаемые в этот порочный круг, рассматриваются идейным руководителем в качестве пешек, «штифтиков». В. Засулич, связанная с нечаевцами, свидетельствовала, что Нечаев, завлекая в организацию молодёжь, смотрел на неё как на «орудие»

или «средство» для цели. Политическое убийство Иванова является тому подтверждением. Подход Петра Верховенского к своим сторонникам такой же: «Всё это материал, который надо организовать» [5, с. 183].

Что же представляет собой этот «кружок», и что за люди объединены в нём? Какова его программа и цель? Почему он предполагает социальные бедствия? Все эти вопросы поднимаются в романе Достоевского.

Писатель исследует и осуждает в романе всё то, частным случаем чего явилась в романе нечаевщина и вообще социализм. Он отвергает те принципы, которые объединяют нечаевщину, социализм и не только их. Он отвергает определённый тип социального реформаторства и связанные с ним формы социальной деятельности.

Главное лицо, средоточие всего зла этого кружка во всех его проявлениях – Пётр Верховенский: предельно лживый, изворотливый, цинично и откровенно выражающий свои цели и потому вызывающий тайный ужас у ближайших сподвижников.

Организация, созданная Петром Верховенским за короткий период, составила двадцать человек, или четыре пятёрки, однако ни один из членов групп не знает её истинных масштабов. В основу организации положен принцип иерархического централизма с диктатурой центра. Объединяя «единомыслящих», она представляет собой общество тотального послушания. Оппозиция, инакомыслие отвергаются, наоборот, все члены организации должны «если надо, наблюдать и замечать друг за другом». Таким образом, устанавливаются жёсткий политический контроль, слежка членов организации друг за другом, исключая только самого организатора.

Для Петра Верховенского не существует никаких нравственных запретов. Кровь и страдания закладываются им и в цель, и в средства осуществления этой цели. Он открыто заявляет о будущем господстве избранных сильных личностей, об обществе насилия и власти откровенных негодяев. Он отчётливо понимает, что для установления подобной власти ему будут нужны разные люди, и в их числе не только ничтожества и негодяи, с которыми проще всего: они есть и будут, их не трудно разыскать и подчинить намечающемуся злодейскому делу. Труднее с другими – талантливыми, умными, честными, но они в чём-то даже нужнее: ум и честь необходимо приспособить к потребностям жестокой власти, найти способ связать их с этой властью. С такими людьми Петру Верховенскому приходится изворачиваться, хитрить, скрывать своё истинное лицо, а если уж не получается ничего вовсе – то просто убивать их.

Верховенский стремится к «скорому решению» социальных изменений в обществе путём насилия и крови, с массовыми убийствами. Его главный аргумент в пользу неизбежных громадных жертв состоит в том, что без них нет истории. Он хищник. Его жертва – Россия.

Но что же это за общество, о котором он так печётся, к которому так стремится, готовый всё смести на своём пути? Каковы принципы и устой этого общества? Рассмотрим эти вопросы.

Главное в будущем обществе – это равенство, – провозглашает Верховенский, сам стремящийся к власти, к тому, чтобы стать над людьми и повелевать ими, всем своим существом охваченный желанием безграничного личного господства над людьми, лишёнными индивидуальности, безликими, без выраженных способностей и талантов, без желания свободы выбора. Таких людей можно легко превращать в рабов. Лозунг равенства как всеобщей уравниловки, усреднения людей как нельзя более подходит для этого. Вот мысли Петра Верховенского: «Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших

способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык. Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны: без деспотизма ещё не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство...» [2, с. 392].

Разъясняя суть шигалёвщины Ставрогину, Верховенский старается убедить талантливого Ставрогина в ценности идеи равенства как уравниловки, как равенства людей необразованных, лишённых культуры, знаний. Лишены должны быть люди и собственности. Они должны стать существами без человеческих привязанностей, без своего Я, без любви, т.е. они должны обезличиться. В противовес установившимся в обществе ценностям Верховенский провозглашает: «Горы сравнять – хорошая мысль, не смешная. Я за Шигалёва! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. "Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого" – вот недавний ответ английских рабочих. Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе» [2, с. 392].

Достоевский увидел в социалистических идеях, в социализме грозящую человечеству опасность. Картина страшного тоталитарного общества, до конца непонятная современникам Достоевского, но так понятная людям двадцатого столетия, была увидена писателем: и унижающее личность, доведённое до уравниловки равенство, и циничное манипулирование людьми, и разрушение культуры, и целенаправленное распространение вражды и недоверия между членами общества, и потому пронизывающее все слои общества шпионство и доносы друг на друга. Проблема доношительства и раньше привлекала внимание Достоевского. Но в обычном обществе со всеми его жестокостями доношительство всё же является преступлением, за которое человек попадает на каторгу, и писатель считает наказание в этом случае справедливым. В обществе «наших» доношительство становится одним из устоев жизни.

Исследуя всё то, из чего плетутся властные сети предводителей тайных кружков, Достоевский создаёт социально-психологический портрет этой власти. Для писателя важно понять, на каких струнах человеческой души могут играть эти люди, и, как выясняет он, струны могут быть самыми разными: тщеславие, гордость, себялюбие, различные оттенки жалости, сентиментальности. Происходит циничное манипулирование человеком, использование его слабостей и недостатков, достоинств и природных задатков.

Теория «наших» нигилистическая, и это не случайно. Полное отрицание прежних исканий, всего достигнутого в общественной мысли создаёт основу для произвола в социальных действиях. Один из соратников «кружка» излагает суть теории Шигалёва – Верховенского: «Мне книга его известна. Он предлагает в виде конечного разрешения вопроса, – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [2, с. 379]. Сам Шигалёв характеризует свою позицию: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [2, с. 378]. Он цинично

заявляет, что именно его общество является тем, что достойно человечества. Шигалёв провозглашает выдвижение «новой социальной системы»: «Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на земле быть не может» [2, с. 380].

Основой «земного рая» являются насилие и жестокость, иначе говоря, деспотизм. Более того, основополагающей идеей, от которой отталкиваются соратники Шигалёва, выступает мысль о том, что без деспотизма не может быть и «рая». При этом они ссылаются на других теоретиков: «...но вспомните, что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самых деспотических и самых фантастических предreshений вопроса» [2, с. 380].

Сторонников бесовщины не так уж много, это всего лишь группа людей в городе, почему же тогда они опасны обществу?

Опасность зла как социального явления в том, что оно опирается на свои предпосылки в человеческой душе. Основания для зла возможны в душе каждого человека. Возникает зловещая цепочка: зло порождает зло. Реализовавшись, зло мгновенно распространяет свои метастазы в души других людей. Цель бесовщины – победить добро. Более того, возникает жизнь без добра, утверждается мысль о возможности жизни без добра. В этом заключается идея миропонимания бесов.

У разных людей различен водораздел между добром и злом в их душах. «Наши» в трактовке Достоевского отлично понимают это. Есть среди людей те, которые могут устоять перед бесами, а есть такие, которые не устоят, а кроме того и такие, которые сами уже могут быть названы бесами. В романе Пётр Верховенский говорит знаменательные слова, имеющие к этой мысли непосредственное отношение: «...Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развitez своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмём?» [2, с. 394].

Утрата в обществе нравственности привлекает «наших» не только потому, что многочисленнее становится их тёмная армия, но и тем, что человек вне нравственных устоев перестаёт быть человеком в собственном смысле этого слова и превращается в «человеческий материал». Вот почему ликует Пётр Верховенский: «Русский бог уже спасовал пред "дешёвкой". Народ пьян, матери пьяны, церкви пусты, а на судах: "двести розог, или тащи ведро". О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они ещё попьаннее стали! Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идёт» [2, с. 394].

Понятно, что деятельность тёмных сил направлена исключительно на разрушение. Верховенский чётко формулирует эту мысль: «Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая "кучка" пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут да ещё за честь благодарны

останутся. Ну-с, и начнётся смута! Раскачка такая пойдёт, какой ещё мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» [2, с. 395].

Один из членов кружка Шатов находится в особом отношении к бесовщине. Он любит правду и потому, увидев идейную суть организации, разрывает с ней связь. Его интересуют судьбы отечества и народа. Ему чужды идеи бесовщины, которые отвергли «русскую идею». Правдолюбец не приемлет либерализм, высокомерно осуждающий народ. Обращаясь к Степану Трофимовичу Верховенскому, он осуждает своих противников: «Нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего в русском народе не смыслили! Все они, и вы вместе с ними, просмотрели русский народ сквозь пальцы, а Белинский особенно; уж из того самого письма его к Гоголю это видно... А ведь он ещё, пожалуй, всех вас умнее был! Вы мало того, что просмотрели русский народ, вы с омерзительным презрением к нему относились, уж по тому одному, что под народом вы воображали себе один только французский народ, да и то одних парижан, и стыдились, что русский народ не таков. И это голая правда! А у кого нет народа, у того нет и Бога! Знайте наверно, что все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же, по мере того, теряют и веру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными. Верно говорю! Это факт, который оправдывается» [2, с. 37–38].

В убийстве Шатова Достоевский предвидел будущие трагедии. Совершённое преступление с философской точки зрения имеет большую глубину. Убийства XX столетия в России, и не только в России, были объяснены Достоевским в XIX веке. Только, как не раз это случалось в истории, предупреждения не были услышаны.

Важную роль в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского играет Кириллов. В намечавшемся предисловии к роману автор особо высказался о Кириллове, поясняя свою главную цель и сравнивая его, в частности, с Каракозовым, покушавшимся на царя. «В Кириллове народная идея – сейчас же жертвовать собою для правды. Даже несчастный, слепой самоубийца 4 апреля в то время верил в свою правду... Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения, Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман» [5, с. 194].

Такие люди, как Кириллов, привержены идее личной свободы и доводящие понимание свободы до свободы ухода из жизни. В самоубийстве Кириллова была реализована идея высшей целесообразности, утверждавшаяся и в последующем прочно утвердившаяся для оправдания разного рода расправ, прикрытия их, в свою очередь, новыми убийствами. В романе Кириллов так поясняет свою роль: «В Обществе произошла мысль, что я могу быть тем полезен, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тут накутите и будут виновных искать, то я вдруг застрелюсь и оставлю письмо, что это я все сделал, так что вас целый год подозревать не могут... В этом смысле мне сказали, чтоб я, если хочу, подожду. Я сказал, что подожду, пока скажут срок от Общества, потому что мне всё равно» [2, с. 352].

Знаменательное «всё равно» неоднократно звучит из уст Кириллова. В этом заключён ещё один философский урок Достоевского: писателю важно показать, что это «всё равно» на самом деле оказывается изначально жёстким подчинением и служением тем, кому совсем не «всё равно».

Роман «Бесы» посвящён не частному явлению или событию. Он о судьбах России, и потому центральным является в нём философский вопрос: как могло такое явление, как бесовщина, случиться в России? В чём истоки бесовщины? Ответ на этот вопрос, в первую очередь, связан с образами отца и сына Верховенских. Достоевский убеждён: бесовщина возникает не на пустом месте и, возникнув в своём отечестве, имеет в нём же корни. То,

какими могут быть эти корни, писатель показывает, обращаясь к семье Верховенских. Отец – либерал, сын – главарь бесов. Их объединяет нечто существенное в миропонимании – сиротство. Они оба люди без Родины, у них нет Отечества. Степан Трофимович Верховенский рассуждает: «...все эти всеславянства и национальности – всё это слишком старо, чтобы быть новым. Национальность, если хотите, никогда не являлась у нас иначе как в виде клубной барской затеи, и вдобавок ещё московской ... У нас всё от праздности... А так как мы никогда не будем трудиться, то и мнение иметь за нас будут те, кто вместо нас до сих пор работал, то есть всё та же Европа» [2, с. 36].

Оба смотрят на Россию со стороны, она для них лишь средство для претворения своих идей. Сиротство определяет ущербность их личностей. Человек вне родственных корней превращается в личность без нравственных устоев. Отсутствие патриотизма у отца порождает отсутствие любви к Родине у сына. Отец смотрит на Россию как на «слишком великое недоразумение» [2, с. 36], сын идёт дальше – он видит цель своей жизни в разрушении России. Но с разрушения Родины начинается разрушение всего нравственного, возникает ненависть к человечеству.

В любое переходное время появляются люди, настроенные на разрушение, стремящиеся реализовать собственные интересы, а не общества. Достоевский пишет в романе: «В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются людишки. Я не про тех так называемых "передовых" говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но всё же с определённою более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки "передовых", которые действуют с определённою целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается» [2, с. 36].

Истина и добро в своём единстве воплощают красоту – вот идеал Достоевского. Именно поэтому ему представляется опасным общество, провозглашающее приоритет материальных ценностей над духовными. Идеинные зачинщики такого общества – люди эгоистичные и жестокие, наделённые непомерной жаждой власти. И поэтому именно они – губители красоты. В преддверии русской революции В.В. Розанов писал: «Достоевский, видевший всё это "сложение обстоятельств", желчно написал строки: "И вот, в XXI столетии, при всеобщем реве ликующей толпы, блузник с сапожным ножом в руке поднимается по лестнице к чудному Лику Сикстинской Мадонны: и раздерёт этот Лик во имя всеобщего равенства и братства"» [6, с. 429].

Несмотря на то что современная писателю действительность стала одним из главных источников создания романа («Нечаевское дело»), представляется необоснованным назвать рассматриваемое произведение Достоевского исключительно как политическое. Трагедия-предупреждение «Бесы», как и любое другое произведение Достоевского, «имеет значение не только политическое, временное, преходящее», наоборот, оно имеет в себе зародыш будущего всего человечества, которое зависит от вечной борьбы добра со злом в душах людей. В 1914 году в статье «Русская трагедия» С.Н. Булгаков писал: «Если Достоевский, действительно, презирал в жизни её трагическую закономерность, тогда уж наверное можно сказать, что не политика, как таковая, существенна для этой трагедии, есть для неё самое важное... Не в политической инстанции обсуждается здесь дело революции и произносится над ней приговор. Здесь иное, высшее судьбище, здесь состязаются не большевики и меньшевики, не эсдеки и эсэры, не

черносотенцы и кадеты. Нет, здесь "Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердца людей", и потому-то трагедия "Бесы" имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе такое зерно бессмертной жизни, луч немеркнувшей истины, какие имеют все великие и подлинные трагедии..." [1, с. 450].

Предостерегая общество от грозящей опасности тоталитаризма, писатель понимал необходимость поиска ответов на экзистенциальные вопросы, ответов, противоположных бесовским. Гармония человеческого бытия не может достигаться вне человека, без его умственных и нравственных усилий.

Список литературы

1. «Бесы»: Антология русской критики / сост., подгот. текста, послесловие, коммент. Л. И. Сараскиной. – М. : Согласие, 1996.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Наука, 1990.
3. Иванова А. А. Философские открытия Ф.М. Достоевского. – М. : Наука, 1995.
4. Иванова А. А. Русская классическая философия: от Ф.М. Достоевского к И.А. Ильину. – М. : Диалог-МГУ, 1999.
5. Пономарева Г. Б. Достоевский: я занимаюсь этой тайной. – М., Академкнига, 2001.
6. Розанов В. В. Сочинения. – М. : Правда, 1990.

References

1. «Besy»: Antologija ruskoj kritiki. M., Soglasie, 1996.
2. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij: in 15 vol. M., Nauka, 1990.
3. Ivanova A. A. Filosofskie otkrytija F.M. Dostoevskogo. M., Nauka, 1995.
4. Ivanova A. A. Russkaja klassicheskaja filosofija: ot F.M. Dostoevskogo k I.A. Il'inu. M., Dialog-MGU, 1999.
5. Ponomareva G. B. Dostoevskij: ja zanimajus' jetoj tajnoj. M., Akademkniga, 2001.
6. Rozanov V. V. Sochinenija. M., Pravda, 1990.

РОМАН И.А. КУЩЕВСКОГО «НИКОЛАЙ НЕГОРЕВ, ИЛИ БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИН»: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

Андреева Валерия Геннадьевна, кандидат филологических наук, докторант, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, 156961, Россия, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14, e-mail: lanfra87@mail.ru.

В статье идёт речь о единственном законченном романе И.А. Кущевского, о жанровой характеристике этого произведения, однозначно не вписывающегося в группу романов о «новых людях». Автор статьи находит в романе Кущевского черты семейной хроники, общественного, психологического и эпического романов, подчёркивает особенности главного героя, отмечает выполняемую им роль, наблюдает за сложно организованной системой смысловых притяжений и отталкиваний. По мнению автора работы, благодаря созданию нестандартных, неоднозначных образов Кущевскому удалось значительно приблизить роман к реальной действительности. Эпическая сущность небольшого по объёму произведения достигается писателем за счёт умелого соотношения фигур и определения жизненных приоритетов, за счёт прорисовывания частных судеб на фоне эпохи, тонкого сцепления личного и общественного. Писатель изображает фигуры разночинцев, одержимых новыми идеями, персонажа, увлечённого идеей освобождения крестьян, и, что очень